

В этот момент в комнату вошел евнух Цзи и приблизился к Чжао Фу. С первого взгляда он понял, что Чжао Фу хочет поскорее отделаться от этих троих студентов, но никак не найдет подходящего повода. Глаза евнуха Цзи лукаво блеснули. Подлив Чжао Фу чаю, он произнес:

— То, что Государь желает сегодня лично испытать этих троих студентов, — великое счастье, которое они заслужили еще в прошлой жизни.

Упоминание о перерождении и поиске бессмертия пробудило в Чжао Фу слабый интерес. Он произнес:

— Что ж, в таком случае я и правда испытаю вас.

— Слушаем и повинуемся, — в один голос ответили трое.

Чжао Фу небрежно оглядел комнату и, заметив чашку с чаем, которую только что налил евнух, спросил:

— Глядя на эту воду, о чем вы думаете?

Тан Шэнь и остальные двое ошеломленно замерли.

Тот, кто заговорит первым, привлечет больше внимания Чжао Фу. Лю Фан поспешил ответить:

— Отвечая на вопрос Вашего Величества: высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всей твари и ни с кем не борется, она пребывает в местах, которые люди презирают, а потому она близка к Дао. Вода — истинный образец для нас, благородных мужей.

Чжао Фу отпил немного чаю, никак не отреагировав.

Лицо Лю Фана потемнело от разочарования.

Мэй Шэнцзэ немного подумал и произнес:

— В трактате «Сюнь-цзы» сказано: «Вода может нести лодку, но может и перевернуть ее». Народ подобен воде — бурным, бескрайним потокам. Государство же — лодке, плывущей по их глади. Если вода спокойна, то и лодка держится ровно, и тогда в Поднебесной воцаряется мир.

Веки Чжао Фу слегка дрогнули, но особого интереса на его лице так и не появилось. Он натянуто улыбнулся и бросил дежурное:

— Опора государства.

Мэй Шэнцзэ едва сдержал волну безумной радости.

Когда оба высказались, очередь дошла до Тан Шэня. Тан Шэнь заговорил:

— Отвечая на вопрос Вашего Величества: древние говорили, что в кристально чистой воде рыба не водится, а к излишне требовательному человеку люди не тянутся. У вашего ничтожного слуги есть несколько слов, которые он хотел бы молвить, да не смеет.

Чжао Фу равнодушно окинул Тан Шэня взглядом и с видом мудрого, снисходительного правителя с улыбкой произнес:

— Говори, не бойся.

Тан Шэнь слегка поклонился. Он держался с достоинством, не выказывая ни излишней покорности, ни надменности, однако его слова заставили всех в комнате затаить дыхание:

— Древние говорили: «В кристально чистой воде рыба не водится, а к излишне требовательному человеку люди не тянутся». Если быть слишком строгим к окружающим, то не останется ни единомышленников, ни друзей — точно так же, как в безусловно прозрачной воде не выживет рыба. Но ваш ничтожный слуга не перестает задаваться вопросом... откуда в этом мире взяться столь безупречной, кристально чистой воде?

Евнух Цзи вздрогнул. Пальцы, сжимавшие рукоять мухосметки-фучэнь, напряглись. Он не знал, стоит ли прямо сейчас отругать Тан Шэня за непочтительность или сразу приказать страже схватить дерзкого наглеца. Но, взглянув на непроницаемое лицо Чжао Фу, на котором то и дело сменялись гнев и задумчивость, евнух решил промолчать. В конце концов, пусть Государь поступает как знает, зачем ему соваться под горячую руку!

В этой гнетущей, мертвой тишине Тан Шэнь склонился еще ниже и продолжил:

— Дружба благородных мужей пресна, как вода, а дружба низких людей сладка, как молодое вино. Принимая воду за образец, должно закалять свой дух и стремиться к великому долгу чистейшей воды. Но если вода действительно кристально чиста, то, сливаясь друг с другом, чистые воды уподобляются тем самым «излишне требовательным», которые следят друг за другом. Как же тогда говорить, что у них не будет сторонников? Ваш ничтожный слуга не понимает... неужели эта вода вовсе не так чиста?

Произнеся это, Тан Шэнь согнулся в глубоком поклоне, почти коснувшись лбом пола.

Вопрос прозвучал с глубочайшим почтением, словно его задал наивный юноша, не знающий законов жизни и жаждущий лишь знаний.

Мэй Шэнцзэ и Лю Фан не смели даже вздохнуть, да и евнухи стояли не шевелясь.

Спустя долгое время Чжао Фу усмехнулся:

— Ребяческий лепет.

Лицо Лю Фана озарилось радостью, а Мэй Шэнцзэ с тревогой посмотрел на Тан Шэня. Лишь сам Тан Шэнь продолжал почтительно стоять в поклоне, будто и не заметил в словах императора упрека.

Чжао Фу со стуком опустил пиалу на стол. От этого резкого звука у всех присутствующих дрогнули сердца.

— Возвращаемся во дворец, — велел Чжао Фу.

Евнух Цзи тут же пропел высоким голосом:

— Возвращаемся во дворец!

Окруженный ароматом амбры, Чжао Фу в сопровождении троих евнухов покинул Святилище Почитания Святых.

Стоило им уйти, как Мэй Шэнцзэ бросился к Тан Шэню:

— Цзинцзэ, как ты мог сказать такое? Благородный муж подобен воде! Как ты мог заявить,

будто в мире нет по-настоящему чистой воды и истинных благородных мужей? Благодарю небо, что Государь не разгневался и, приняв во внимание твою молодость, назвал твои слова лишь ребяческим лепетом. А если бы ты навлек на себя смертную казнь? Что бы мы тогда делали!

Тан Шэнь с трудом разогнул затекшую спину. Глядя на взволнованного Мэй Шэнцзэ, он с улыбкой ответил:

— Все в порядке.

— Эх, ну и ну! — вздохнул Мэй Шэнцзэ.

Все трое вместе покинули Святилище Почитания Святых.

Тан Шэнь уверял, что все в порядке, но Мэй Шэнцзэ и не подозревал, что спина его друга давно взмокла от холодного пота.

По возвращении в Академию Гоцзыцзянь ректор Линь вызвал всех троих к себе и расспросил о том, что происходило на аудиенции. Студенты обо всем рассказали по очереди. Выслушав ответ Тан Шэня, ректор Линь странно посмотрел на него и нахмурился. Затем, словно внезапно что-то осознав, он с загадочным видом обронил:

— Кто знает, может, это и к лучшему.

Вернувшись в учебный класс, Тан Шэнь отер пот со спины. Он открыл книгу и принялся слушать лекцию наставника, однако мысли его то и дело возвращались в Святилище Почитания Святых, где он был час назад.

Посещение императором академии Пиюн — это был величайший шанс в жизни Тан Шэня.

К тому же ему удалось лично предстать перед Его Величеством!

Тан Шэню в этом году исполнилось всего пятнадцать лет. Каким бы одаренным и гениальным он ни был, с момента его переноса в эту эпоху прошло лишь три года, а в следующем году, то есть на четвертый год, ему уже предстояло сдавать Весенний экзамен — столичный экзамен. Стоило ему сдать столичный экзамен и получить степень «цзиньши», как за ним последовал бы дворцовый экзамен. С древнейших времен чиновники со степенью «равнозначный цзиньши» никогда не поднимались выше третьего ранга; лишь те, кто обладал степенью «цзиньши», могли рассчитывать на высокие посты.

Если хочешь попасть в три канцелярии и шесть министерств, если жаждешь реальной власти, нужно как минимум войти в третью группу выпускников!

А если не попадешь даже в третью группу выпускников, придется уповать лишь на надежную опору и покровителей.

Ван Цзыфэну исполнилось всего двадцать пять лет, а он уже занимал пост министра финансов. С одной стороны, это объяснялось тем, что в свое время он занял первое место на экзаменах, удостоившись звания чжуаньюаня, а император лично начертал для него свиток «Чжуаньюань, не имеющий равных». С самого начала чиновничьей службы он пользовался безграничным доверием государя. С другой стороны — потому что он был Ван Цзыфэном!

Клан Ван из Ланъя насчитывал тридцать шесть человек, имеющих чиновничьи звания при дворе. Из них десять занимали должности выше пятого ранга, пятеро — выше четвертого, трое

— выше третьего. Министр финансов Ван Цзыфэн носил второй ранг. А нынешний Правый канцлер Центрального секретариата Ван Цюань приходился Ван Цзыфэну двоюродным дедом и занимал чин первого ранга.

У Тан Шэня не было столь могущественных покровителей, и если он хотел возвыситься, ему оставалось полагаться лишь на благосклонность императора.

С того самого дня, как полмесяца назад ректор Линь сообщил о предстоящем Посещении императором академии Пиюн, Тан Шэнь размышлял: зачем сыну неба это понадобилось?

Посещение императором академии Пиюн считалось древней традицией. Демонстрируя уважение к ученым мужам, правители приезжали в Академию Гоцзыцзянь, чтобы лично прочесть лекцию студентам и показать заботу о последователях конфуцианства. При прежних династиях это случалось нередко, однако при нынешней стало редкостью. Особенно если учесть, что за все двадцать шесть лет с момента восшествия Чжао Фу на престол он впервые посетил Дворец Пиюн.

Чжао Фу ни за что не приехал бы читать лекции во Дворец Пиюн без веской причины — должно быть, что-то произошло.

За минувший год случилось немало бед: снежная буря на юге, землетрясение на юго-западе, попытки киданей разорвать мирный договор и захватить земли Великой Сун. Однако ни одно из этих событий не заставило бы Чжао Фу явиться в Академию Гоцзыцзянь и читать лекцию перед кучкой студентов-цзюйжэней. Причина крылась лишь в одном...

Чжун Тайшэн мертв.

Смерть Чжун Вэя повлекла за собой череду самоубийств среди ученых-конфуцианцев.

Об этом знали абсолютно все книжники Поднебесной. Чжао Фу приехал во Дворец Пиюн с единственной целью — привлечь на свою сторону сердца столичных ученых.

Тан Шэнь догадывался об этом, но даже представить себе не мог, что ради завоевания симпатий император снизойдет до личной встречи с тремя студентами Академии Гоцзыцзянь. Упускать столь редкую возможность было недопустимо.

В стенах Академии Гоцзыцзянь, даже если бы Тан Шэнь сморозил величайшую глупость, Чжао Фу не лишил бы его головы, покуда в его словах не было прямой измены. Ведь едва завершилось Посещение императором академии Пиюн; если бы Чжао Фу немедленно казнил тамошнего студента, вся цель визита пошла бы прахом.

Поэтому Тан Шэнь пошел на риск, решившись под видом «ребяческого лепета» привлечь внимание императора. Даже крупная высочайшего интереса могла заложить основу для его будущего возвышения.

В мире нет кристально чистых и благородных мужей, а расхожая фраза о том, что дружба между ними пресна, как вода, — не более чем лицемерная нелепица.

Высказав это дерзкое суждение, он фактически посмеялся над Чжун Тайшэном и всеми великими учеными, что покончили с собой вслед за ним!

Учитель... Будь он сейчас жив, наверняка вышвырнул бы его за дверь, обозвав бесстыжим наглецом.

Тан Шэнь подпер подбородок рукой, глядя на иероглифы в книге, и вдруг поймал себя на мысли, что стал еще бесстыднее, а помыслы его — еще чернее.

Он, разумеется, не знал, что с наступлением ночи вернувшийся во дворец Чжао Фу сперва омылся и переоделся, а затем поднялся на Алтарь Призывания Духов. Там он целый час медитировал, вбирая в себя духовную энергию неба и земли. Лишь когда пришло время отходить ко сну и главный дворцовый евнух Цзи Фу помогал ему раздеться, Чжао Фу внезапно вспомнил:

— Тот сегодняшний студент из Академии Гоцзыцзянь показался мне довольно занятым.

Цзи Фу вздрогнул. Первым делом в его памяти всплыло лицо Мэй Шэнцзэ. Но евнух промолчал; прокрутив в голове подробности встречи еще раз, он осторожно спросил:

— Государь изволит говорить о том студенте, который посмел рассуждать о «дружбе благородных мужей»?

Чжао Фу не ответил. Он облачился в шелковую спальную мантию, расшитую сучжоуской вышивкой, пока Цзи Фу опустился на колени, чтобы снять с его ног сапоги.

— Как его имя? — спросил Чжао Фу.

Цзи Фу виновато скривился:

— Ваш покорный слуга не знает.

— Вот как, — обронил Чжао Фу.

<http://bllate.org/book/18292/1754506>